усиливает невозможность выбора: должно, необходимо начать произведение «по былинам сего времени», а не «по замышлению Бояню»; иначе нельзя, хотя автору, наоборот, нравятся как раз больше «старые словеса», он бы хотел начать именно «по замышлению Бояню».

В чем же автор видит разницу между своим произведением и песнями Бояна? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить значение в данном контексте слова «начати».

Автор мог употребить это слово для того, чтобы просто сообщить, что приступает к повествованию. Так начинаются, например, «Поучение правые веры душеполезно» («Почну же глаголати не завито, ни покровно, да всяк начнет разумети») [1] и «Путешествие в Царьград» архиепископа Антония («С богом починаем сказание мест святых во Царѣградѣ»).[2] В первом примере говорится о стиле произведения, во втором — о теме. Но в обоих случаях слова «почну», «починаем» имеют только служебный характер, утрачивая до некоторой степени свое самостоятельное, первоначальное смысловое значение.

Но возможен и другой вариант. Одним из излюбленных стилистических приемов древней литературы является вступление в виде размышления, как или с чего начать повествование, т. е. автор говорит о том, каким должно быть вступление, именно начало произведения. Примеры таких вступлений уже приводились И. П. Ереминым. Таково, например, вступление седьмого слова Кирилла Туровского: «Приди ныня духомь священный пророче Захарие! начаток слова дая нам от своих прорицаний о вознесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа».[3] В приведенном примере Кирилл по существу сообщает, как начнется его слово (ср. у Либания-софиста: «Не своевременно ли будет, государь, начать нам речь в похвалу твоего славного пришествия словами лесбосца Алкея: „Ты являлся от пределов земли“?» [4]).

Автор «Слова о полку Игореве» использует этот же последний прием. Не стиль вообще, а именно характер начала интересует его в данном случае. Подтверждением этому служит сама конструкция фразы «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий», которую, мы считаем, следует переводить «начать старыми словами трудных повестей»: начать (как?) старыми словесы (какими?) трудных повестей; (повестей — родительный определительный падеж, относится к «словесы»). При таком прочтении слово «начати», не имея при себе дополнения, полностью удерживает свое собственное смысловое значение начала действия.

Представленное прочтение было известно уже давно.[5] Но в большинстве переводов и, в частности, в последних разбираемое место переводится иначе: «начать старыми словами трудные повести», где слово «повѣстий» является дополнением к «начати». Эта точка зрения кажется нам неправильной. Автор все время говорит о своем произведении в единственном числе («Слово о полку...», «начати же ся тъй пѣсни», «почнемъ... повѣсть сию»), а в рассматриваемом случае — множественное. Сторонники этой точки зрения пытаются провести аналогию между «Словом» и «Повестями временных лет», где в заглавии тоже стоит множе-

[1] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, стр. 23.

[2] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, стлб. 65.

[3] К. Калайдович. Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. 65.

[4] И. П. Еремин Слово о полку Игореве. Ученые записки ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 9.

[5] См., например: Вс. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 180; Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 143.